

VI

– Да вы глупы, как свинья! Ах, дети мои, ну не дурень ли этот Вентра! Полюбуйтесь-ка, он уж и нюни распустил оттого, что не может писать статей о социальной революции для жирарденовского заведения. Так вы говорите, что он не хочет даже ваших лесных цветочков? Ну, так я их возьму: сто франков за букетик, каждую субботу.

Это предложение сделал мне Вильмессан, встретив меня на повороте бульвара и осведомившись о моих делах, причем он толкнул меня своим животом и заявил, что я глуп, как свинья.

– Ах, дети мои, что за дурень этот Вентра!

Час спустя я столкнулся с ним случайно на перекрестке; он все еще кричал:

– Ну и дурень, дети мои!

Нечего скрывать, я хотел посвятить политике свою зарождающуюся известность, броситься в гущу битвы...

Жирарден излечил меня от этой мечты.

Однако я не положился на его мнение, не последовал его советам. Я поднимался и по другим лестницам, но и с них спустился ни с чем. Нигде не нашлось места для моих дерзких фраз.

Но все же между строк моих хроник в «Фигаро» мне удастся просунуть кончик моего знамени, и в субботние букеты я неизменно подсовываю кровавую герань или красную иммортель, прикрывая их розами и гвоздикой.

Я рассказываю о деревне, о ярмарочных балаганах, перебираю воспоминания о родных краях, о любовных драмах скоморохов, но, говоря о босяках и странствующих комедиантах, я заливаю солнцем их лохмотья, заставляю звенеть бубенцы на их костюмах.

Книга

Подсчитываю страницы, и мне кажется, что труд мой закончен. Ребенок, чей первый трепет я почувствовал в себе на похоронах Мюрже, – этот ребенок появился на свет.

Вот он здесь, передо мной. Он смеется, плачет, барахтается среди иронии и слез, – и я надеюсь, что он сумеет пробить себе дорогу.

Но как?

Люди сведущие твердят в один голос, что толстые книги – «кирпич» и что издатели не желают их больше.

Но я все-таки взял под мышку моего младенца и попытался толкнуться с ним в две-три двери. Нам всюду вежливо предлагали убраться...

Наконец где-то у черта на куличках один начинающий издатель отважился пробежать первые страницы.

– По рукам! Через две недели вы получите корректуру, а через два месяца пустим в машину.

Ноздри мои раздуваются, меня распирает от счастья.

«Пустим в машину». Но ведь это все равно, что на баррикаде команда: «Пли!» Это – ружье, просунутое через полуоткрытые ставни.

Книга скоро появится.

Книга вышла[26].

На этот раз я начинаю думать, что кой-чего добился. Теперь над землей виднеется не только моя голова, – я вылез по пояс, до живота, и надеюсь, что никогда уж больше не буду голодать.

Не очень-то, впрочем, рассчитывай на это, Вентра!

А пока что наслаждайся своим успехом, милый человек! Бродяга, вчера еще никому не известный, – сегодня у тебя есть похлебка в котелке, да еще приправленная лавровым листом.

А книжонка быстро пошла! Малютка оказался решительным, и за его здоровье пьют в кафе на бульварах и в мансардах Латинского квартала. Гольтьба узнала одного из своей братии, богема увидела пропасть под ногами. Я спас от постыдной праздности и каторги не одного юношу, спешившего туда по тропинке, которую Мюрже засадил сиренью.

Это чего-нибудь да стоит!

Я и сам мог покатиться по этой дорожке!

При одной мысли об этом меня бросает в дрожь, даже под лучами моей молодой славы...

Моя молодая слава! Я говорю это, чтобы немножко поважничать, но на самом деле не нахожу, чтобы я хоть сколько-нибудь изменился с тех пор, как прочитал в газетах, что появился молодой многообещающий писатель.

Я был больше взволнован во время моей лекции; сильнее потрясен в те дни, когда мне было дано говорить с народом. Там я должен был зажигать трепетавшие рядом со мной сердца; мне стоило только склонить голову, чтобы услышать их биение; я видел, как мои слова зажигали глаза, впивавшиеся в меня то ласкающим, то угрожающим взглядом... Это была почти что борьба с оружием в руках.

А эти газеты, что лежат на моем столе... они, точно мертвые листья, – не трепещут, не кричат.

Где же грохот бури, которую я так люблю?

Временами мне даже становится стыдно за себя, когда критика отмечает и восхваляет меня только как стилиста, не замечая оружия, скрытого, подобно мечу Ахилла на Скиросе[27], под черным кружевом моей фразы.

Я боюсь показаться трусом и отступником перед теми, кто слышал, как я среди моих нищих собратьев обещал вцепиться в горло врагу в тот день, когда вырвусь из грязных лап нужды и мрака неизвестности.

И вот этот самый враг расточает мне сегодня похвалы.

Признаться, меня не столько радовали, сколько смущали поздравления со стороны людей, которых я презирал.

Подлинное удовлетворение, вызвавшее у меня искренние слезы гордости, я испытал лишь тогда, когда в письмах, неведомо откуда присланных и не знаю как дошедших до меня, я нашел заочные рукопожатия безвестных и незнакомых, растерянных новичков, истекающих кровью побежденных.

«Если б я мог прочесть вас раньше!» – скорбел побежденный. «Что было бы со мной, если б я не прочитал вас!» – восклицал новичок.

Стало быть, я все-таки проник в массу, значит есть за мной солдаты, армия! Целыми ночами шагал я по комнате из угла в угол с этими клочками бумаги в судорожно сжатых руках, обдумывая план нападения на гнилое общество с моими корреспондентами в качестве капитанов.

К счастью, я увидел себя в зеркале: осанка трибуна, суровое выражение лица, совсем как на медальоне Давида Анжерского[28].

Только не это, любезный, – остановись! Тебе не к чему копировать жесты монтаньяров, хмурить брови, как якобинцы. Оставайся самим собой – тружеником и бойцом.

Разве не сладко тебе почувствовать ласку со стороны чужих людей, если твои близкие не поняли, измучили тебя?.. Довольствуйся же этой мыслью и признайся, что ты испытываешь радость оттого, что нашел семью, любящую тебя больше, чем любила твоя родная семья; вместо того чтобы издеваться над тобой и высмеивать твои надежды, она протягивает к тебе руки и приветствует, как приветствуют в деревнях старшего в роде, оберегающего честь родового имени и несущего на себе все его бремя.

Да, вот что переполнило мою душу.

Я почувствовал, что некоторые оценили меня, а я очень нуждался в этом. Ведь так тяжело оставаться, – как это было со мной, – насмешливым и мрачным на протяжении всей своей здоровой молодости!

Среди этих писем мне попала записочка от женщины:

«И вас никто не любил, когда вы были так бедны?»

Никто!

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 апреля 2026 14:55:24

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 30 апреля 2026 14:56:23